

СТРУКТУРА И БОЕВОЕ ПОСТРОЕНИЕ РИМСКОГО ВОЙСКА РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ

После установления в Риме аристократической республики в результате военного переворота 509 г. до н.э., совершенного группой патрицианских родов при опоре их на центуриатное войско, военная активность римской *civitas* неуклонно возрастала. Перманентные войны и постоянная боевая готовность римского общества не могли не отразиться на качестве войсковой структуры и боевых формированиях Рима. Однако о принципах и путях их совершенствования до III в. нам известно чрезвычайно мало из-за отсутствия сколько-нибудь подробных, а главное аутентичных источников, не говоря уже о полной противоречивости друг другу приводимых в них цифровых данных. Исключением является относительно связное изложение в письменной римской традиции военно-политической реформы Сервия Туллия (середина VI в.),

---

³² IE 997 (эпоха Флавиев или позднее).

³³ IE 1266 (эпоха Антонина Пия).

³⁴ Например, IE 407 (эпоха Марка Аврелия).

³⁵ Жрицы: IE 980–99А; женщины-пританы: 980; 985; гимнаснархи: 985; асиархи: см. *Kearsley. Op. cit.* P. 187–192.

³⁶ IE 891 – Клавдия Базилонa (конец II в. н.э.); 892 – Клавдия Каниния Севера (середина III в. н.э.); 893 – Марцеллина (после второго неокората); 894 – Паула Аратигана (середина II в. н.э.); 895 – Секунда Папиана, время Юлии Домны, Септимия Севера и Каракаллы; 896 – женщина-феор (конец II в. н.э.).

Перевод И. Макарова.

хотя акцент и здесь делается опять-таки на политический аспект¹. Видимо, это обстоятельство и обусловило то положение в историографии, при котором, несмотря на наличие множества исследований по раннему Риму вообще и римской военной организации в частности, принципы формирования, композиционное устройство и боевое построение раннеримского войска остались, по существу, вне поля зрения историков. Еще Т. Моммзен сокрушенно заметил: "Во время войны с Пирром манипулярный легион уже является в полном развитии; но когда и при каких обстоятельствах совершилось это развитие и совершилось ли оно разом или мало-помалу, уже нет возможности решить"². До сих пор доминирует мнение либо о крайней примитивности раннереспубликанской военной организации, либо о ее качественной и структурной идентичности манипулярной, что позволяет экстраполировать данные времен Полибия на период архаики. Но ведь именно структура военных сил определяет степень зрелости военной организации, ее место в общественной системе и среди политических институтов, что существенно корректирует устоявшиеся представления о формах и темпах генезиса раннеримской *civitas*.

Римская письменная традиция достаточно подробно излагает ход событий в политической и военной жизни раннего Рима, предоставляет нам определенную информацию об устройстве раннеримского войска. В современной историографии с преодолением наследия гиперкритицизма возрождается критическое доверие к античным авторам, которые писали свои сочинения на основе достоверных данных более ранних историков, официальных анналов и фамильных архивов знатных римских родов³. Но информация эта скудна, отрывочна; реалии древней военной организации подаются в привычных поздним авторам легионно-манипулярных терминах. Поэтому представляется логичным ретроспективно проследить эволюцию структуры войска, отталкиваясь от классического его описания Полибием.

Согласно Полибию (VI.19.7), основу структуры воинских сил Рима в III-II вв. составляли четыре легиона по 4 200 пехотинцев и 200 всадников в каждом (VI.20.8). Он отмечает характерное деление пехоты на четыре категории: велитов, гастатов, принципов (по 1200 человек в каждой) и триариев (600). Каждая категория состояла из 10 манипулов; велиты отдельных отрядов никогда не создавали и придавались каждому манипулу и даже всадническим турмам (*Veget.* III.16.24). Не ставя целью подробный анализ "Полибиева" войскового устройства, отметим ряд его характерных черт: различия между категориями воинов определялись исключительно возрастным принципом и опытом, сохранившимся до времен Вегетия (I.20); вооружение же у всех них (кроме легковооруженных велитов) было в основном одинаковым, только триарии носили не пилумы, а гасты (*Polyb.* VI.23.16).

Итак, Полибий описывал войско, структуру которого принято называть манипулярной. Оно состояло из строго фиксированных автономных соединений – легионов⁴. Они в свою очередь базировались на основных тактических единицах – манипулах, состав которых мог меняться, но число их в легионе оставалось неизменным (30), определяя его структурную композицию и боевую тактику⁵.

¹ См., например: *Немировский А.И.* К вопросу о времени и значении центуриатной реформы Сервия Туллия // ВДИ. 1959. № 2. С. 153–165. О сущности и этапах проведения реформы Сервия Туллия см. также: *Токмаков В.Н.* Комплектование римского войска в V–IV вв. до н.э. // Из истории древнего мира и средневековья / Под ред. Ю.М. Сапрыкина. М., 1988. С. 17–20; *он же.* Народ и армия (Роль армии в становлении раннеримской республики) // Античность и современность. Докл. конф. Всесоюзн. ассоциация антиковедов. М., 1991. С. 77–80.

² *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. До битвы при Пидне. М.–Л., 1936. С. 416.

³ См. *Токмаков В.Н.* К вопросу об аутентичности данных римской традиции о центуриатной реформе Сервия Туллия // VI Сергеевские чтения в МГУ, январь 1993 г. Тез. докл.

⁴ Подробнее см. *Rink B.* *Exercitus Romanus, die schlagkräftigste Armee ihrer Zeit* // *Das Altertum*. 1986. Bd. 32, № 3. S. 143–151.

⁵ *Тянова М.П.* Военная организация римской Республики (до реформы Мария): Автореф. дис... канд. ист. наук. Тарту, 1974. С. 12 сл.

Очевидно, что войсковая структура практически никак не соотносится с общественно-политическими институтами II в. А военная организация, формально сохраняя черты гражданского ополчения, уже реально отделилась от общественной структуры *civitas*. Это породило, с одной стороны, кризис общинного милиционного комплектования военных сил, с другой – снижение уровня военной тактики, что вызвало реформы Гракхов и Гая Мария⁶.

Однако греческий историк заметил и добросовестно отразил ряд особенностей современного ему римского войска. Те из граждан, чей ценз превышал 10 тыс. драхм (100 тыс. ассов), прибавляли к остальным доспехам вместо нагрудника кольчугу (Polyb. VI. 23.15). Но эта сумма считалась цензом 1-го разряда по реформе Сервия Туллия (Liv. I.43.1; Dion. IV.16.2; Cic. Resp. II.21.38), следовательно, некоторые пережитки центуриатной системы оставались и в манипулярном войске. Заметим, что Полибий ничего не упоминает о возрасте этих счастливых, которые могли встретиться даже среди триариев, что противоречит принципам сервианского строя.

В науке давно отмечена двойная структура манипула, который таким образом не мог быть первичной структурной единицей. По Варрону (LL V.88), формально таковыми были две составлявшие его центурии, имевшие каждая своего знаменосца, центуриона и опциона (ср. Polyb. VI. 24. 6–8) с одинаковой властью, хотя на практике манипулом командовал центурион первой центурии (Liv. VIII. 8. 16–18; XLII.34). Тем не менее при описании реальных кампаний III–II вв. до н.э. в источниках не прослеживаются какие-либо упоминания о военном значении этих центурий. Они никогда не действуют автономно и даже в манипуле не отделены друг от друга. Но само размещение их рядом по фронту, а центурионов по флангам (Polyb. VI. 24.8) говорит о том, что в более ранние времена они играли самостоятельную военную роль. Саллюстий сообщает, что Марий в Югуртинскую войну ежедневно распределял скот для прокорма поровну по центуриям и конным турмам (Iug. 91.1). Но в остальном он оперирует "когортами", "манипулами" и т.д. Тем примечательнее его упоминание о центуриях, сохранивших, судя по всему, важное административное значение, выявляющееся, когда речь идет о распределении продовольствия, и, возможно, добычи. Иначе говоря, даже в марианском войске центуриатное деление не только сохранилось как формальная традиция, но и удержало за собой ряд реальных функций.

Примечательно, что и Авл Геллий (XVI.4.6), приводя замечание Цинция о том, что в легионе насчитывается центурий – 60, манипулов – 30, когорт – 10, начинает описание его вертикальной структуры именно с центурий. Тем самым подчеркивается, что в войске любого времени они занимали определенное, освященное традицией, стабильное место и оставались его основной структурной единицей.

Можно ли считать, что "Полибиевы" центурии восходят к сервианскому устройству, а не к реформе центуриатных комиций во второй половине III в.? По этой реформе количество центурий было приведено в тесное взаимодействие с территориальным делением Рима на 35 триб⁷. Кстати, со времени консульства М. Курия в 275 г. трибы стали основой набора войск (Val. Max. VI.34; Nonius. P. 28L). По реформе, все пять цензовых разрядов начали выставлять равное количество "политических" центурий (70), вместе с 18 всадническими и 5 ремесленными их стало 373⁸. Но эти цифровые данные не имеют ничего общего со стандартным числом центурий в легионе. Более того, пореформенные центурии носили чисто политический характер в отличие от войсковых, оставшихся пережитком более древней эпохи, как и конные турмы из 30 чел. во главе с тремя декурионами каждая⁹.

⁶ Gabba E. Le origini dell'esercito professionale in Roma: I proletarii e la riforma di Mario // *Esercito e società nella tarda repubblica Romana*. Firenze. 1973. P. 1–45.

⁷ Liv. XXIX. 37. 13; per. 49; Oros. V. 7.1; Lucan. V. 392–394; Cic. Phil. II. 8.18.

⁸ Taylor L.R. The Centuriate Assembly before and after the Reform // *AJPh*. 1957. V. 78, № 4. P. 343–344, 351; Grieve L.J. The Reform of the *comitia centuriata* // *Historia*. 1985. Bd 34. S. 279, 309.

⁹ Sumner G.V. The Legion and the Centuriate Organization // *JRS*. 1970. 60. P. 73.

Однако вопрос о тождестве войсковых "Полибиевых" центурий с сервианскими также пока открыт и вызывает разногласия в историографии, где до сих пор живуча точка зрения о невозможности применить 193 сервианские центурии в войсковой практике¹⁰. Тем не менее можно утверждать, что раннереспубликанское войско комплектовалось именно на базе этих центурий, которые формировали свои военные отряды¹¹. Но прежде чем обратиться к конкретным сообщениям традиции о центуриатном войске, необходимо рассмотреть единственное полное описание войска, точнее легиона, помещенное Ливием под 340 г. Оно интересно поразительным сходством с Полибиевым, но написано явно самостоятельно и на основе каких-то конкретных данных¹².

Ливий передает, что "прежде войска строились фалангой" наподобие македонской, но впоследствии были образованы боевые линии из манипулов (*postea manipulatim structa acies coepit esse*) (Liv. VIII.8.3). Войско было разделено на множество рядов (или отрядов) (*in plures ordines instruebantur*). Каждый отряд (а по контексту *ordo* скорее именно отряд, а не шеренга) насчитывал 60 воинов, двух центурионов (!) и одного знаменосца (примечательно, что Ливий употребляет здесь термин *vexillarius*, а не *signifer*, как обычно: *ibid.* 8.4; хотя текст в данном месте испорчен). Первую линию занимали гастаты, распределенные в 15 манипулов, которые располагались друг от друга на небольшом расстоянии. Причем по 20 чел. из каждого манипула были легковооруженными (*leves milites*), т.е. имели только два копья – *hasta* и *gaesa*, а остальные носили длинные щиты (*scutati*). За ними следовали 15 манипулов принципов, все со щитами и тяжелым вооружением (*maxime armis*). Эти 30 манипулов Ливий называет *antepilani*, так как тотчас же вслед за их значками (*sub signis*) располагались другие 15 отрядов (*ordines*), которые в свою очередь были поделены на три части, состоящие уже не из манипула, а из "знамен" – *vexillum* (8.7).

До сих пор схема Ливия в основном совпадает с Полибиевой, но далее начинаются разногласия. Первую вексиллу Ливий называет триариями. Она состояла из отборных ветеранов. Вторую он именует рорариями. Она была составлена из людей менее сильных и более молодых. Третья – акцензы, наименее надежный отряд (неясно только, по возрасту или по храбрости). Они занимали последнюю линию (*acies*). Далее Ливий описывает тактику этого войска (8.9–10): битву начинают гастаты, в случае неудачи они отходят назад через интервалы между отрядами. Поскольку Ливий применяет здесь слово *ordo*, а не "манипул", то логично видеть в них отдельные отряды, а не сплошные ряды, которые обозначают *acies*. Последней надеждой легиона, как известно, были триарии, которые во время боя ожидали своей очереди "под вексиллами", стоя на одном колене. Здесь Ливий опять-таки употребляет термин не *signum*, а *vexillum*. Всего в набранном для войны с латинами в 340 г. войске Ливий насчитывает четыре легиона по 5 тыс. пехоты (по Полибию, это полный легион) и 300 всадников в каждом, не говоря уже о союзниках (VIII.8.14).

Итак, представленная Ливием схема легиона имеет немало общего с описанием Полибия. Правда, последний не упоминает рорариев и акцензов, а Ливий – велитов. Едва ли можно отождествить с велитами *leves milites*, хотя Фест (р.83L) характеризует так ферентариев (*ferentarii levis armaturae pugnatores*). Но располагались они в задних рядах и были пращниками¹³, у Ливия же *leves milites* входят в манипулы гастатов и их всего 300 чел. Кроме того, их вооружение отличается от остальных лишь отсутствием

¹⁰ *Ibid.* P. 69; *Saulnier Chr. L'armée et la guerre dans le monde étrusco-romain* (VIII–IV ss.), P., 1980. P. 120 suiv.

¹¹ Подробнее см.: *Токмаков. Комплектование...* С. 24–30; *он же. Военная организация Рима периода Ранней республики* (конец VI – первая половина IV в. до н.э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1992. С. 9–12.

¹² Подробный разбор версий см.: *Saulnier. Op. cit.* P. 120–160; *Connolly P. Greece and Rome at War. L., 1981. P. 126–128.*

¹³ *Cp. Fest. P. 13, 75, 50 L.; Nonius. P. 520; Veget. III, 14.20.*

скутума, но зато они носят два тяжелых (хотя и метательных) копья¹⁴. Это наводит на мысль об архаичности подобного деления. В манипулярном легионе каждый воин автономен, он – и метатель копья, и рукопашный боец. А различие в вооружении у Ливия более типично для фаланги с делением воинов на копьеносцев и щитоносцев, тем более что Ливий не сообщает, где именно стояли *leves milites*. Вероятно, они занимали первые ряды, а их прикрывали щитоносцы. Едва ли здесь можно видеть оплошность Ливия, тщательного в остальных деталях. Более логична ассоциация их с антесигнанами (Veget. II.15; III.14.20; Dion.IX.50.3). Наконец, Полибий упоминает категорию триариев в аналогичном амплуа, но характер их построения и объединение с рорариями и акцензами у Ливия необычны.

Все это приводит к разногласиям в историографии относительно достоверности реконструкции Ливия. Например, М. Тянава, уверенный, что данные Ливия и Дионисия отражают структуру центуриатных комиций III в., игнорирует сведения о рорариях и акцензах и выделяет в особый разряд велитов, но ставит их в отличие от Полибия на четвертое место¹⁵. А. Тойнби был уверен в аутентичности Ливиева описания легиона¹⁶, а Дж. Самнер приводит ряд аргументов против того, что такой легион когда-либо существовал в действительности¹⁷. Он сомневается в наличии в нем полутораста центурионов, реальности объединения акцензов в вексиллы, а также в возможности добавления 15 *tripartite ordines* (т.е. 45 отрядов) к 30 "нормальным" манипулам. Следовательно, согласно Самнеру, пассаж Ливия – не более чем реконструкция, призванная установить какую-либо связь между новым военным порядком и категориями цензовых разрядов.

Действительно, пять линий этого легиона можно было бы соотнести с пятью разрядами Сервисовой конституции¹⁸. Но следует учесть, что легкооруженные воины 4–5-го разрядов никогда не сражались в боевых рядах. В свое время А. Розенберг обосновал точку зрения, что акцензы принадлежали к 5-му разряду и придавались центуриям первых имущественных классов¹⁹. Ливий отмечает, что к 5-му разряду добавлены *in his accensi, cornicines tubicinesque, in tres centurias distributi* (I.43.7). Ясно, что они едва ли могли занимать отдельный ряд, тем более не в комициях, а в боевых порядках.

Это вытекает и из фрагмента Феста (p.13 L.): *Adscriptitii vel, uti quidam, scripti dicebantur, qui supplendis legionibus adscribebantur. Hoc et accensos dicebant, quod ad legionum censum essent adscripti. Quidam velatos, quia vestiti inermes sequerentur exercitum. Nonnulli ferentarios, quod fundis lapidibusque proeliaturi eo modo ferrent, quo in hostes iacerent. Alii roarios, quod id genus hominum, antequam acies coirent, in modum roantis tempestatis dimicarent.* Таким образом, Фест отмечает чисто вспомогательный характер акцензов и перечисляет их среди приписанных в войску (к цензу легиона) неимущих граждан, которые сражаются явно вне боевых порядков даже вооруженными (*inermes*) или только с камнями и пращами. Варрон (LL V.82) дает понять, что они были также и в коннице.

Фест, как и Ливий и Варрон (LL VII.57), ничего не сообщает о вооружении рорариев, подчеркивая только их способ сражения – до рукопашного боя (*antequam acies coirent*) в мелких стычках (*in modum roantis tempestatis*). По Варрону (LL VII.58), рорарии скорее просачиваются, чем обрушиваются (*ante rorant quam pluit*). Отож-

¹⁴ Тяжелая *gaesa* была заимствована у галлов. второе копьё вызывает ассоциации с образцами так называемой *hasta velitaria*, но доказать это невозможно. В любом случае уверенность П. Коннолли (op. cit., p. 130), в том, что *leves milites* были идентичны акцензам и вместе с ними столетием позже образовали род войск – велитов, крайне неубедительны.

¹⁵ Тянава. Ук. соч. С. 12.

¹⁶ *Toynbee A.J. Hannibal's Legacy. V.1. Oxf., 1965. P. 518.*

¹⁷ *Sumner. Op. cit. P. 69 ff.*

¹⁸ См., например: *Marquardt J. Römische Staatsverwaltung. Bd 2. Lpz, 1876. S. 316.* П. Коннолли (op. cit., p. 128) также относит рорариев к 4-му, а акцензов к 5-му сервианскому разряду.

¹⁹ *Rosenberg A. Untersuchungen zur römischen Zenturienverfassung. B., 1911. S. 33–36.*

дествление их с ферентариями на основании их перечисления подряд²⁰ едва ли оправдано. Если ферентарии мечут камни с какого-то расстояния, то рорарии ввязываются в рукопашные стычки явно рассыпным строем. Ливий передает, что они либо выбегали вперед между антепиланами (= *leves milites?*), поддерживая часть гастатов, либо же быстро отходили за триариев (VIII.9.14), что более характерно для фаланги, сквозь тесные ряды которой рорарии не могли отступить. Но действовали они как самостоятельный род войск, что в корне отличает их от велитов, которые входили в манипулы пехоты и сражались лишь против легковооруженных воинов противника.

Наконец, следует отметить, что ряды описанного Ливием войска 340 г., в отличие от центуриатного, сформированы не по имущественному цензу, а по возрастам. Воины с наибольшим вооружением, прищипы, стоят во второй линии, а не в первой. Вооружение триариев полностью идентично вооружению других воинов. Но вопреки уверенности П. Коннолли, ни одна из категорий не имеет на вооружении пилум, из чего можно заключить, что для всех категорий воинов, несмотря на отмеченную историком замену фалангитского щита "клипеус" на продолговатый "скутум", реформы наступательного вооружения еще не произошло.

Немалые затруднения вызывают приведенные Ливием цифры. Историк здесь впервые столь скрупулезен. Для его обычного изложения это не характерно, и можно предположить, что он пользовался какими-то аутентичными источниками и не слишком тщательно их согласовал. Прежде всего, что следует понимать под терминном *ordo*, численность состава которого определяется в 60 чел. при двух центурионах? Самнер безоговорочно соотносит их с манипулами, подразумевая тех же двух центурионов для каждого из 30 манипулов гастатов и принципов²¹. Однако у Ливия *ordo* имеет не два, а одно знамя в отличие от манипула (Polyb. VI. 24.7). Кроме того, заявляя о делении войска вообще на *ordines*, Ливий уже в следующем предложении говорит о манипулах гастатов и принципов, никак не соотнося их друг с другом, а затем вновь применяет это слово к отрядам триариев и т.д. Вспомним также, что словом *ordo* обычно обозначается как "ряд", "шеренга", так и "отряд" и еще конкретнее "центурия", но никогда манипул. Состав 60 чел. характерен именно для центурии, а центурион всегда имел помощника – опциона, что могло вызвать оговорку Ливия. Кстати, Полибий перечисляет соподчинение войсковых единиц аналогично Геллию: *ordo, manipulus, vexillum* (VI.24.5; cf. Gell. XVI.4.6), у которого на первом месте стоит именно центурия. Любопытна терминология Ливия: говоря о постепенном переходе римлян к манипулярному делению войска, он тут же добавляет: "Позднее возникли и более дробные подразделения" (*postremo in plures ordines instruebantur*) (VIII.8.3). Из этого следует, что *ordo* не просто отряд, а именно центурия, которая была стержнем боевого построения войска. Таким образом, 60 центурий гастатов и принципов образуют контингент в 3600 чел.

Сложнее обстоит дело с последними рядами. По Дж. Самнеру, их занимали 45 центурий. Он соотнес 15 *ordines* с вексиллами, состоящими каждая из трех частей. В том же духе трактует это темное место Ливия П. Коннолли. Он определяет состав каждой вексиллы в 60 чел. с двумя центурионами и одним знаменем и насчитывает всего 45 таких отрядов²². Правда, остается неясной связь их с вексиллами Ливия (из 186 чел.) и реконструируемым им же составом манипулов принципов и гастатов (60 чел. из двух центурий по 30 чел.). Кроме того, общая численность воинов в вексиллах должна была достигнуть 2700 чел.! Но поскольку *ordo* у Ливия – это все же центурия в 60 чел. (ссылка Коннолли на состав центурии триариев в 30 чел. не убедительна), то пресловутые *alii quindecim ordines* можно рассматривать как 15 центурий, объединенных в пять вексилл по 186 чел. Если вычтеть рорариев и

²⁰ Ibid. S. 36.

²¹ Sumner. Op. cit. P. 69.

²² Connolly. Op. cit. P. 127.

акцензов. то количество триариев вполне соотносится со стандартным (600 чел.). Тем не менее общее число пехотинцев отнюдь не совпадает с обычной численностью манипулярного легиона в 5 тыс., как определяет ее здесь же сам Ливий (VIII.8.14). Бросается в глаза, что о структуре конницы он ничего не сообщает.

Но путаница в цифрах свидетельствует скорее о достоверности источников Ливия. Для нас же важна не столько его точность, сколько отражение в данном описании некоего процесса в развитии римского войска. Как Ливий приписывал Сервию Туллию создание всего центуриатного строя, явившегося плодом длительной эволюции²³, так и при описании войска 340 г. он мог соединять разные этапы перехода от центуриатного войска к манипулярному. Несмотря на наличие манипулов, базой построения войска остаются явно центурии. Даже гастаты начинают битву только после того, как все войско построится по центуриям (VIII.8.9): *ubi his ordinibus exercitus instructus esset*), а при их поражении принципы принимают их *in intervalla ordinum*, причем отступают они не за триариев, а в промежуток между триариями и принципами, и лишь в крайних случаях они все вместе отходят за ряды триариев. Последние, таким образом, как бы отделены от основного воинского контингента и предстают скорее в виде готового к бою резерва (см. ниже).

Велитов Ливий здесь вообще не упоминает, равно как и о каком-либо участии легковооруженных в начале битвы. Правда, по сведениям источников, велиты появились только в 218 г. (Liv. XXVI.4.4–10; Val. Max. II. 3.3; Frontin. IV.7.29). Может быть, до этого их роль играли ударные силы копьеносцев из гастатов (*leves milites*).

Хотя подтверждений этому найти не удастся, само предположение заслуживает пристального внимания. Вероятно, врага атаковали сомкнутым строем центурий, а не разомкнутыми манипулами, как полагал еще Ф. Эдкок, основываясь на том, что фаланга противника не могла, не нарушив строя, проникнуть в интервалы между манипулами²⁴. Но в таком случае трудно объяснить странный порядок ротации боевых линий, так не похожий на манипулярный. Кроме того, Ливий подчеркивает, что построение линиями у латинян было аналогичным римскому (VIII.8.15). Сражение у него начинается с поединка двух примиплов триариев, которые возглавляли одинаковые центурии (*ordines*) (VIII.8.18), что ассоциируется с практикой VI–начала V в.²⁵ Характерна оговорка Ливия о том, что гастаты в первом ряду строились *distantes inter se modicum spatium* (т.е. почти вплотную друг к другу). По смыслу ее можно отнести и к манипулам, и к гастатам в манипулах. Первое понимание подтверждает замечательную реконструкцию П. Коннолли манипулярной тактики: перед боем центурии *prior* и *posterior* строились одна за другой, чтобы дать проход велитам; затем центурия *posterior* поворотом налево выдвигалась вперед и закрывала интервал с соседним манипулом, образуя сплошной фронт; при провале атаки центурия *posterior* по команде совершала поворот кругом и налево и занимала позицию позади первой центурии, открывая интервалы, и таким образом весь манипул втягивался через интервалы манипулов принципов, выстроенных аналогичным образом, после чего центурии принципов совершали тот же самый маневр²⁶. Такая реконструкция значительно убедительнее и жизненнее, чем у Г. Дельбрюка, теоретизировавшего на тему автономного втягивания отдельных манипулов принципов в интервалы первой линии для замены разбитых манипулов гастатов²⁷. Рассуждая о сложности удержания управляемости войсками в битве, Дельбрюк даже не замечал практической абсурдности его схемы. В то же время

²³ См., например: *Ferency E. From the Patrician State to the Patricio-plebeian State. Budapest, 1976. P. 34; Heurgon J. The Rise of Rome to 264 B.C.L., 1973. P. 149–151; Токмаков. Комплектование... С. 17–19.*

²⁴ *Adcock F.E. The Roman Art of War under the Republic. Cambr. (Mass.), 1940. P. 40.*

²⁵ Подробнее об этом см.: *Oackley S.P. Single Combat in the Roman Republic // CQ. 1985. V. 35. Fasc. 2. P. 392–410.*

²⁶ См. описание и схемы: *Connolly. Op. cit. P. 128–131.*

²⁷ См. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1.: Античный мир. М., 1936. С. 228–233.

вариант Коннолли обеспечивает полное управление частями легиона с помощью четких команд военачальника, трибунов и центурионов каждого манипула и несложных маневров. Возвращаясь к построению гастатов, отметим такую возможность: воины в манипуле стояли тесно друг к другу (около 90 см), что было характерно для фалангового строя. Добавим, что и консулы у Ливия возглавляли фланги, а построение триариев тесными рядами с воткнутыми в землю копьями довершает сходство с фалангой.

Есть все основания утверждать, что в середине IV в. манипулярный строй еще не оформился окончательно. Строй триариев, по Коннолли, был явно сколком старого боевого порядка, еще сохранявшего свое военное значение, как в свое время всадники в рамках Сервианской конституции²⁸. Притом, как можно заметить, Ливий не сообщает, что триарии были самыми старыми по возрасту, но лишь говорит об их принадлежности к ветеранам (это не одно и то же).

Существование вексилл вполне объяснимо, по крайней мере для триариев. Не исключено, что вексиллы представляли собой переходное звено в формировании войска между центуриатным и манипулярным типами построения. Они могли объединять по три и более центурии и, таким образом, быть протяженнее по фронту, чем манипулы, а сражались скорее в сомкнутом строю. Но это уже была структура более гибкая, чем нерасчлененная фаланга. Время замены фалангового щита "клипеус" на "скутум" датируется обычно временем войны с Вейями (начало IV в.) и так называемых "реформ Камилла"²⁹. Они заключались во введении жалования воинам (Liv.IV.59.11; V.7.12) и круглогодичной службы (V.2.1–2; 4,5), а также в возникновении отрядов всадников *equo privato* (V.7.5–7) и в структурных нововведениях (легионное деление) (VI.22.8). Все это изменило характер комплектования войска и явилось прологом к переходу к манипулярному строю, первым шагом к которому, несомненно, стало членение войска на вексиллы или другие достаточно мелкие самостоятельные подразделения, которые Ливий нередко называет "когортами" (например, VI.24.2). В них отпала необходимость в вооружении тяжелым фаланговым щитом, что и отметил Ливий.

Полагают, что окончательное утверждение манипулярного строя завершилось во время Самнитских войн и под влиянием тактики самнитов, описанной Ливием (VIII.38.7–12; IX.27.7–13; 31.15; 32.5–9)³⁰. Именно после изложения реформ Аппия Клавдия Цека 312 г. Ливий повторяет характеристику манипулярного строя и его отличия от фалангового: "Оба войска состояли из тяжелооруженных и соблюдали ряды, но если фаланга македонян неповоротлива и однородна, то римский боевой порядок подвижен, ибо составлен из многих частей и может при необходимости без труда и разомкнуться и снова сомкнуться" (IX.19.8).

Итак, данные Полибия и Ливия позволяют выявить основу формирования структуры римского войска. Ею всегда оставалась центурия, возникшая со времени реорганизации войска при Сервии Туллии (середина VI в.). Однако дискуссионным продолжает оставаться вопрос об организационно-тактическом делении раннереспубликанского войска. Это деление определяется уровнем развития социально-политических институтов общества, степенью эмансипации войска от них, и в свою очередь само оказывает существенное воздействие на них. Прежде всего это касается проблемы римских легионов в V–IV вв., их количества, состава и взаимосвязи с центуриатной организацией. Изложенные выше сведения Полибия и Ливия обычно экстраполируются на ранние стадии римской истории (причем подтверждение этому видят в широком употреблении слова "легион" в

²⁸ См. *Токмаков В.Н.* Римское всадничество и центуриатная военная организация Ранней республики (V – начало IV в. до н.э.) // *Личность Европы. Межвуз. сб. научн. тр.* Пермь. 1992. С. 22–31.

²⁹ *Meyer Ed.* Das römische Manipularheer, seine Entwicklung und seine Vorstufen. B., 1923. S. 48 ff.; ср. *Saulnier.* Op. cit. P. 107.

³⁰ *Paribeni R.* Storia di Roma. V. II. Bologna. 1954. P. 329; *Sumner.* Op. cit. P. 107; им возражает: *Salmon E.T.* Samnium and Samnites. Camb., 1967. P. 105 ff.

источниках) и легионной структуре придается, таким образом, перманентное и универсальное значение³¹.

Долгое время считалось, что сведения римской традиции о разделении царем Сервием Туллем римского гражданства на пять цензовых разрядов, а войска соответственно вооружению на 193 центурии (Liv. I.43; Dion. IV.16–20; Cic. Resp. II.21.38) являются позднейшей ученой реконструкцией анналистов и не имеют никакого отношения к реальной структуре воинских сил. Это заблуждение было остроумно разрушено в ряде работ П. Фраккаро³². По его версии, Сервий Туллий удвоил сохранившийся с Ромуловых времен "легион" из 3 тыс. чел. (Dion. II.16.2; Plut. Rom. 13; Zonar. VII.3). Справедливо предположив, что в полевом войске служили только юниоры (40 центурий 1-го разряда по 100 чел. в каждой). Фраккаро добавил к ним по 10 центурий юниоров 2–3-го разрядов, также имевших тяжелое вооружение, и получил "легион" из 60 центурий (6 тыс. чел.). С тех пор эта структура легиона сохранялась и после его разделения на две части для предоставления командования каждому консулу и стала классической, хотя численность состава центурий уменьшилась³³. В дальнейшем, по мнению П. Фраккаро, в легионы включаются 24 центурии юниоров 4–5-го разрядов, т.е. по 1200 велитов на легион, состав которого доводится таким образом в IV в. до 4200 пехотинцев и остается неизменным в дальнейшем.

Отличаясь стройностью и тщательностью построения при солидной опоре на данные источников, теория Фраккаро резко стимулировала в историографии интерес к исследованию Сервианской конституции вообще и ее военной организации в частности, причем большинство исследователей либо полностью разделяют ее³⁴, либо принимают за основу³⁵. Однако она также вызывает ряд возражений. Прежде всего, малоубедительны ссылки на цифровые данные, например, определение численности войска ко времени Сервия Туллия в 3 тыс. чел., словно до этого не было неоднократного расширения территории римской общины и включения в нее покоренных племен – удвоения военных сил до 6 тыс. за счет синойкизма с сабинянами при Ромуле (Plut. Rom 13; Dion. II.35.6; Zonar. VII.3), пополнения войска и конных турм за счет присоединенных Туллом Гостилием альбанцев (Liv. I.29–30) и т.д. Общее же число военнообязанных в Риме начала V в. определяется в 17–20 тыс. чел.³⁶

Далее, редуцирование реформы Сервия к количественным показателям не учитывает качественного различия куриатно-родового и цензового (по-моему, не идентичного тимократическому³⁷) принципов комплектования и организации войска. Тактическим звеном войска у Фраккаро и его последователей остается легион, воспроизводящий свою структуру при последующем механическом делении, время которого приурочивается к тому или иному событию (например, введению консуляр-

³¹ Подробный разбор различных версий в историографии см. *Токмаков В.Н.* Тактическое деление римского войска периода Ранней республики (V – первая половина IV в. до н.э.) // ВМУ. Сер. 8. История. 1992. №1. С. 51–62.

³² *Fraccaro P.* La riforma dell'ordinamento centuriato // Studi in onore di P. Bonfante. V. 1. Milano, 1930; *idem.* Ancora sull'età dell'ordinamento centuriato // Athenaeum. N.S. 1934. Bd 12. P. 57–71.

³³ Ср. об этом же: *Connolly.* Op. cit. P. 128, 130. Но совершенно не аргументировано его постулирование численности центурий "ливиева" легиона 340 г. в 30 чел.

³⁴ *Last H.* The Servian Reform // JRS. 1945. 35. P. 42 ff.; *Scullard H.H.* The Etruscan Cities and Rome. L., 1967. P. 258; *Cornell T.J.* La guerra e lo stato in Roma arcaica (VII–V s.) // Alle origini di Roma: Atti del Coll. tenuto a Pisa il 18 e 19 Settembre 1987. Pisa. 1988. P. 91; *Palmer R.M.* The Archaic Community of the Romans. Camb., 1970. P. 239 ff.; *Richard J.-Cl.* *Classis–infra classem* // RPh. 1977. 51. P. 229–236.

³⁵ *De Francisci P.* Primordia civitatis. Roma, 1959. P. 680, 691–696; *Heurgon.* Op. cit. P. 151; *Bernardi A.* Dagli ausiliari del rex ai magistrati della *respublica* // Athenaeum. 1952. 30. P. 21–23.

³⁶ *De Martino F.* Diritto e società nell'antica Roma. Roma, 1979. P. 173.

³⁷ См. *Токмаков.* Военная организация... С. 14.

ного трибуната или восстановлению в 367 г. консулата³⁸). отождествляется с манипулярным и возрастное деление воинов раннереспубликанского войска.

Не касаясь подробно вопроса о самостоятельных действиях консулов и консулярных трибунов V – первой половины IV в.³⁹, следует отметить, что действия эти не могут служить доказательством структурного деления войск на два или четыре тактических соединения (легиона). Нередко набирается не два, по числу консулов⁴⁰, а три войска (Dion. VI.45.1; 59.1; VIII.59.3; 83.4; 91.4). Анализ контекста показывает, что каждый раз решение о разделении единого набранного войска на части принималось, исходя из конкретной потребности вести боевые действия против нескольких противников (Liv. II.6.5; III.3.6–10; 8.11; 26.1; 62.1–2; Dion VIII.83.4). Они могли быть различными по численности, составу (Plut. Popl.22) и называются, как правило, не легионами, а *exercitus*, *acies*, *sortiae*⁴¹. Греческие источники именуют их *δύναμις*, *στρατιά*⁴² и чрезвычайно редко *τάγμα*, что для позднего времени переводится как "легион". Хотя упоминание Дионисия о наборе четырех, шести и даже десяти "легионов" (VI.42; IX.5.2; XI.23.1) заставляет ассоциировать их скорее с "тысячами", составляющими ряды фаланги (*acies*), которые первоначально и возглавляли военные трибуны.

Характерно, что у Ливия слово "легион" употребляется для Ранней республики только во множественном числе как обобщенное обозначение набранных воинских контингентов независимо от их численности, которая варьировалась в широких пределах. Структура этих "консульских войск" была достаточно аморфна и давала возможность легко расчленивать или соединять войска в зависимости от тактической обстановки. Все это не позволяет признать существование в Риме до середины IV в. легионов как тактических соединений войска со строго фиксированной структурой и численностью. Впервые четкое описание легиона с манипулярной структурой встречается у Ливия под 348 г. с нехарактерной для него оговоркой о точной численности состава (10 легионов по 4200 пеших и 300 всадников в каждом) (VII.25.8). Важной вехой утверждения манипулярного строя стало приписывание новобранцев не к центуриям, а к легионам (*ex legione Romana scripta*) (VIII.10.11), как следует из разобранный выше пассажа Ливия от 340 г.

Поскольку этимология *legio* от *legere* (Veget. II.1) представляется вполне очевидной, то можно согласиться с мнением Ф. Гшнитцера об обозначении термином *legio* в царский период самого процесса набора войска⁴³. Еще в раннереспубликанское время легион выступает как "вооруженное гражданство", набираемое на период войны. По толкованию Варрона (LL V.88: *legio quod leguntur milites in dilectu*), это понятие тесно связано с набором войска, и после Сервиевой реформы заменяется однокоренным термином *dilectus*⁴⁴. Как уже говорилось, в источниках набранное и вооруженное (подготовленное к войне, снаряженное) войско называется *exercitus conscriptus armatusque* (Liv. V.2.7) или *exercitus armatus paratusque* (VI.6.13). Поскольку в источниках центуриатное собрание нередко обозначается словом "exercitus", но никогда – "legio"⁴⁵, то последнее название явно связано с более древним способом набора войска, т.е. с общим сбором всех общинников-ополченцев, а получивший военно-политический оттенок

³⁸ *Staveley E.S.* The Significance of the Consular Tribunate // JRS. 1953. 43. P. 32 ff.; *Sumner. Op. cit.* P. 67 ff., 72; *Kienast D.* Die politische Emanzipation der Plebs und die Entwicklung des Heerwesens in frühen Rom // RhM. 1975. Bd. 175. S. 110–112; *Heurgon. Op. cit.* S. 151; *De Sanctis G.* Le origini dell'ordinamento centuriato // RFIC. 1933. V. 3. P. 289–298; *Gschützer F.* Das System der römischen Heeresbildung im Zweiten Punischen Krieg: Polybios, Annalisten und die geschichtliche Wirklichkeit // Hermes. 1981. Bd 109. 1. S. 60 ff.

³⁹ См. подробнее: *Токмаков.* Тактическое деление... С. 55–60.

⁴⁰ *Моммзен.* Ук. соч. С. 234 сл.; *Palmer. Op. cit.* P. 239; *Sumner. Op. cit.* P. 69–70.

⁴¹ Liv. III. 5.11; IV. 21. 9; VII. 9.6; 16.3; 22.4; 32; 38.6; X. 14.2.

⁴² Dion. VI.59.1; 61.1; cp. *Diod.* XII. 80.6; XIII. 42.6.

⁴³ *Gschützer F.* Exercitus. Innsbruck. 1968. S. 190 ff.

⁴⁴ *Coli U.* Tribù e centurie dell'antica repubblica romana // SDHI. 1955. 21. P. 193. Not. 52.

⁴⁵ *Gschützer.* Exercitus. S. 180.

exercitus объединял всех военнообязанных в комициях по центуриям, из которых путем отбора (*dilectus*) очередников, возможно, по спискам (*ἐκ τῶν πολιτικῶν καταλόγου* (Dionys. VIII.16.1; ср. Liv. VI. 2.6), с последующим вооружением формировалось полевое войско, также называвшееся *exercitus*. Но так как ежегодно производился новый набор, а с IV в. не один, то каждый раз на войну отправлялся новый "набор" (*legio*). Лишь в середине IV в., как свидетельствуют источники, с усложнением военной организации, необходимою вести продолжительные войны на разных театрах боевых действий, что вызывало продление службы воинов на срок более одной кампании, начинает формироваться такая структура воинских, независимых друг от друга соединений, которой можно было легко управлять и обеспечивать высокий уровень дисциплины. В связи с этим происходит упорядочение набора войск из состава римских граждан, а само обозначение набранного римского воинского контингента сохраняется и в боевых условиях, в частности, с целью отличить его от союзных частей обычно такой же численности. Итак, набирается уже не аморфная масса людей, а строго фиксированные войсковые соединения с идентичной друг другу внутренней структурой.

Возникает закономерный вопрос, что представляли собой боевые порядки центуриатной армии в период между проведением центуриатной реформы (середина VI в.) и переходом к манипулярной тактике (вторая половина IV в.). Как известно, реформа Сервия Туллия прошла длительный путь развития, но первоначально все военнообязанные разделялись, по сообщению Геллия, на *classis* и *infra classem* (VI(VII).13), причем название первого разряда происходит скорее не от *calare*⁴⁶, а от военной трубы *classicum*⁴⁷, которая созывала войско на комиции. Геллий конкретизирует, что *Dialem flaminem... religio est classem procinctam extra pomerium, id est exercitum armatum videre* (X.15.3), т.е. отождествляет *classis procincta* со всем полевым войском. Возникает вопрос, входили ли в *classis* юниоры 2–3-го разрядов или оставались *infra classem*? С точки зрения Дж. Самнера, в V в. *classis* состоял из 40 центурий тяжеловооруженной пехоты, а 2–3-й разряды были добавлены в войско не ранее осады Вей, когда произошла смена щитов "клипеус" на "скутум"⁴⁸. Согласно версии А. Момigliано, все 60 центурий первоначального легиона (см. выше о теории П. Фраккаро) принадлежали к *classis*, но в республиканское время в связи с делением легиона на две части и расхождением между военными и избирательными центуриями собственно *classis* сократился до 40 центурий, а остальные 20 были *infra classem*⁴⁹. Эту же линию продолжает Л. Грив, считавшая, что войско-фалангу из 40 юниорских центурий 1-го разряда сопровождали вспомогательные войска и все они в совокупности в течение V в. были объединены понятием "классис" и составили первый легион⁵⁰.

Однако все эти версии встречают ряд возражений. Смена типов щитов, на которую ссылаются Самнер и ряд других исследователей, никак не может служить подтверждением включения 2–3-го разрядов в войско (не в фалангу! – В.Т.) именно в 406 г., ибо воины этих разрядов изначально были вооружены таким щитом. Напротив, речь может идти о смене фаланговых щитов на "скутум" у воинов 1-го разряда. Нет также сведений о понижении ценза у части членов *classis*. Наконец, учтем, что для фаланговой тактики боя и в Греции VI–V вв., и в Риме применялся круглый щит (диаметром от 90 см до 1 м), продолговатый же щит "скутум" (в некоторых вариантах овальный) высотой от 1,2 до 1,5 м (здесь версии и археологические материалы различны) предназначался для индивидуального боя или для сражения в небольших

⁴⁶ Maxfield V.A. *The Military Decorations of the Roman Army*. Berkeley, 1981. P. 28.

⁴⁷ Gjerstad E. *Innenpolitische und militärische Organization der frühromischer Zeit // ANRW. I. 1. B. – N.Y., 1972. S. 173; cf. Heurgon. Op. cit. P. 149.*

⁴⁸ Sumner. *Op. cit. P. 73–74.*

⁴⁹ Momigliano A. *An Interim Report on the Origins of Rome // JRS. 1963. 53. P. 120; idem. Studi sugli ordinamenti centuriati // SDHI. 1938. V. 4. T. 2. P. 509–520.*

⁵⁰ Grieve L.J. *Proci Patricii: A Question of Voting Order in the Centuriate Assembly // Historia. 1987. Bd 36. Ht 3. S. 308; Connolly. Op. cit. P. 95, 96, 128.*

отрядах (манипулах), где воины располагались по фронту более широко (до полутора метров) и не мешали друг другу в рукопашной схватке⁵¹. Поэтому им не требовались поножи и тяжелый панцирь. Но именно это обстоятельство и не позволяет совместить клипеатов и skutатов в тесных боевых порядках фаланги. Добавим, что для задних рядов фаланги не требовались не только поножи, но и "скутум". Логично предположить, что skutаты 2–3-го разрядов и тем более легковооруженные из 4–5-го разрядов, будучи постепенно включены в войско (*exercitus*), составили в нем, если не отдельные отряды, то во всяком случае отдельную боевую линию, занимающую позиции позади тяжеловооруженной фаланги и используемую как для поддержки общего натиска, так и для закрытия бреши или замены отступающих фалангитов и т.д. Хотя они остались строго говоря *infra classem*, т.е. вне фаланги из 40 центурий клипеатов, но уже не вне войска (*exercitus*), будучи – с образованием в первой половине V в. под давлением сословной борьбы плебеев новых четырех разрядов – включены в структуру войска⁵². Если учесть, что многие сражения, как явствует из традиции, велись не в регулярных порядках, без задействования фаланги, а в мелких стычках, то основная тяжесть боевых действий должна была падать именно на воинов 2–3-го разрядов (преимущественно плебеев). Но политически они были разделены на меньшее число центурий, нежели классис, что предопределило их неравноправное положение в комициях и особую остроту социальной борьбы.

Для обозначения боевых порядков Ливий обычно употребляет сочетания: *acies instructa*, *acies processissimae*⁵³ или значительно реже *ordo* (III.62.7; 63.2; VII.10.2). Причем, во втором случае речь может идти, например, о всадниках, соскочивших с коней под прикрытием *ordines peditum* – рядов (а не отрядов) пехоты, ибо всадники, спешившись отошли именно в задние ряды. В другом случае (VII.10.2) имеются в виду либо все шеренги в целом (*in ordines ite*), либо соотносимые с центуриями отряды (см. выше). Обычное выражение Дионисия – сражение *ἐν τάξει καὶ κόσμῳ* (VIII.82.3; 84.1; 88.3; IX.10.6; ср. App. Rom. VII.IV.21). Термины *acies* и *τάξις* явно указывают на сплошные ряды воинов без интервалов: "выравнивать ряды" (*aequassent acies*) (Liv. III.62.7), *totam aciem* (VII.17.5; cf. Dion. VIII.86.4; 65.2). Дионисий дает примечательное определение – "сомкнутыми центуриями" (*δικνωσσαντες τοὺς λόχους*) (X.16.4).

Рассмотрим конкретное словоупотребление в традиции. В одном из эпизодов Ливия (VII.10.9) единоборцы сходятся для поединка между боевыми линиями (*inter acies*), посол Фабий выезжает для поединка с галлом *extra acies* (V.36.7). При описании битвы при Аллии Ливий обозначает центр войска как *medium acies* (V.38.1; ср. IV.18.4), применительно к галлам *medium agmen* (VII.24.7). Аналогичное выражение встречаем у Дионисия – *μέσῃ τῇν φάλαγγα τεταχμένος* (IX.11.3). Ливий также упоминает о неосмотрительности консула Семпрония, чей ряд (*acies*) не был усилен резервами (*subsidiis*) (IV.37.8). Все это позволяет предположить, что слово *acies* обозначало не один, а несколько рядов, первый из которых назывался *principia* (III.22.5). Такой порядок не характерен для манипулярного строя, хотя источники продолжают употреблять устоявшийся термин. Но именно за сражение *in aciem*, в котором более искусны были римляне, упрекали своего военачальника в середине V в. эквы (Liv. III.2.12). Очевидно, что под "рядами" (*acies*) источники понимали собственно фалангу, которая располагалась в центре боевых порядков и прикрывалась с флангов конницей и более легкими формированиями, возможно, "скутатами". Не это ли имел в виду Дионисий в пассаже о сражении с сабинянами (450 г.), говоря, что конница сражалась против конницы, пехота – против пехоты, а фаланга (!) – против фаланги (XI.23.3).

Дионисий вообще расположенную в центре боевых порядков фалангу именуется именно так⁵⁴. Более того, уже при описании смотра войск Сервием Туллем он говорит о построении всадников по отрядам (соответствующим римским турмам),

⁵¹ Connolly. Op cit. P. 131.

⁵² Подробнее см. Токмаков. Комплектование... С. 21, 24, 30.

⁵³ Liv. III. 2.7–12; 60. 3–5; 68. 6; IV. 32.10; 37.8; V. 32.3; 36.7; 38.1; 49.2; VI. 7.3; 23.2–12; 24.7; VII. 10.9; 17.5

⁵⁴ Dion. IV.22.1; V.14.2; 22.4; VI.5.4; 10–12; VIII. 18. 1; IX. 11. 3; XVI. 33.

пеших – в фаланге, а легковооруженных – по своим центуриям (лохам) (IV.22.1), отделяя, таким образом, фалангу тяжеловооруженного *classis* от центурий *infra classem*. А так как в войске рорарии и акцензы 4–5-го разрядов собственных центурий не имели, то, вероятно, подразумевались отряды skutatov. Вегетий также называет боевым строем (*acies*) "выстроенное для сражения войско, чей фронт (заметим, сомкнутый! – В.Т.) обращен против врага" (III.14). Поэтому упоминаемое в традиции деление диктаторских войск в V в. на три части, принимаемое за деление на легионы, отражает классическое трехчленное построение фаланговых формирований, где каждый военачальник командовал центром или флангами (Liv. IV.18.4; Dion. V.75.3).

Наличие в Риме Ранней республики фаланги, как правило, не ставится в науке под сомнение. Еще Моммзен усматривал фалангу в битве при Аллии (390 г.)⁵⁵. Считалось также очевидным, что фаланга пришла в Рим из Этрурии⁵⁶. Именно оттуда, по Диодору, заимствовали римляне *χαλκασπίδες καὶ φαλαγγίδον* (XXIII.2). По Вергилию (Aen. X.16.6), этруски сражались копейщиками в фаланге, что, по признанию источников, было главной причиной их превосходства над римлянами, которые, после того как приняли у себя фалангу, сумели одержать победу над этрусками (Diod. XXIII. 2.1; Ined. Vat. Ch.3; Athen. VI.273). Но, например, А.М. Снодграсс, признавая на основании археологических данных принятие этрусками гоплитского вооружения в конце VII – начале VI в., отрицает быстрое введение вслед за этим гоплитской тактики, не находя в Этрурии соответствующего класса свободных собственников-гоплитов⁵⁷. А. Момильяно также не представляет себе, как этруски могли составить армию гоплитов, имея социальную структуру, основанную на острых различиях между знатью и клиентами⁵⁸. Тем не менее, Б. Д'Агостино справедливо указывает на то, что у этрусков оружие простому гоплиту предоставлял род, а развитие в Этрурии фаланги начиная с третьей четверти VII в. он называет фазой "гентильной гоплитской армии". предполагая, однако, что со второй половины VI в. в этом регионе происходит постепенное изменение ситуации в связи с появлением нового военного класса⁵⁹, наличие которого Снодграсс справедливо считал условием введения фаланги. Правда, и сам Снодграсс признавал, что принятие гоплитского вооружения, приводившего к развитию фаланги, "неизменно имеет место в период царского и аристократического господства, как военного, так и политического"⁶⁰. Возможность развития фаланговой тактики на ранних стадиях из родового военного построения отмечал Р.А. Гринхол. Он проводил аналогии с Атикой, где в VI в. отмечалось преобладание родовых групп аристократии, в то время как остальное население в военном отношении группировалось в фаланге⁶¹. Схожая социально-политическая ситуация сложилась и в Риме к середине VI в. Там уже сформировался в экономическом плане достаточно обширный "средний слой" собственников как из патрициев, так и из стоявших до Сервианской реформы вне политической и военной организации плебеев. Именно эти собственники составили "средний класс" гоплитов созданной Сервием Туллем фаланги-классиса, причем аналогии с Грецией окончательно убеждают, что клиенты входили в центурии своих патронов-патрициев.

Данные археологии позволяют полнее осветить вопрос о степени и источнике

⁵⁵ Моммзен. Ук. соч. С. 314.

⁵⁶ Botsford G.W. The Roman Assemblies. N.Y., 1909. P. 71–72; Kromayer J., Veith G. Heerwesen und Kriegsführung der Griechen und Römer. München, 1928. S. 262, 286; Ogilvie R.M. Early Rome and the Etruscans. Trowbridge, 1976. P. 45.

⁵⁷ Snodgrass A.M. The Hoplite Reform and History // JHS. 1987. 27. P. 116–121.

⁵⁸ Momigliano. An Interim Report... P. 119.

⁵⁹ D'Agostino B. Military Organization and Social Structure in Archaic Etruria // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1990. P. 81–82.

⁶⁰ Snodgrass. Op. cit. P. 120, 121.

⁶¹ Greenhalgh R.A.L. Early Greek Warfare: Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambr., 1973. P. 151–153.

заимствования римлянами фаланги, равно как и о времени введения в Риме фаланговой тактики. Исследователи отмечают тесные связи Рима с Этрурией именно в конце VII–VI в. на основании найденной в Риме керамики, типов погребений и т.д.⁶² Так, Р. Блок описывает фрагмент терракоты, найденный на углу Комиция, с изображением всадника с круглым щитом, копьем и остатками гребня шлема на голове⁶³ (середина VI в.). Рассматривая греческую и этрусскую керамику с изображением рядов воинов с круглыми щитами типа "клипеус" и тремя копьями каждый⁶⁴ и чернофигурную амфору из Тарквиний с шеренгой воинов с круглыми гоплитскими щитами, шлемами греческого образца и идущим впереди трубачем с рогом (*salpinx*)⁶⁵, исследователи приходят к выводу, что между 725 и 625 гг. в Этрурии прослеживается сильное греческое влияние и начинает преобладать гоплитское оружие. Главным его признаком является прежде всего повышение значения защитного вооружения⁶⁶, к каковому относится и щит "клипеус".

Примером такого щита может служить бронзовый щит диаметром 1 м из гробницы на Эсквилине (датируемый Э. Гьёрстадом 700–625 гг.), аналогичный щитам из Цере⁶⁷, а также бронзовый шлем полусферической формы с выгнутыми краями без следов гребня⁶⁸, вызывающий ассоциации с этрусскими шлемами греческого типа из Северной Италии⁶⁹. Причем (как свидетельствует фреска из Питекузы с шеренгой воинов с круглыми щитами, двумя копьями и в шлемах), подобные шлемы были известны еще в VIII в. до н.э.⁷⁰ Наконец, к периоду правления "этрусской династии" в Риме относятся находки Э. Гьёрстадом панциря VI в., представляющего собой скорее нагрудник прямоугольной формы со слегка вогнутыми внутрь краями, усиленными бронзовым обручем, с орнаментом в виде концентрических кругов⁷¹, и копий листовидной и трехгранной формы для ближнего боя с раструбами для насадки на древко⁷². Они отождествляются с копьями (*hasta*), применяемыми в фаланге⁷³, и идентичными по форме копьям, изображенным на этрусской керамике.

Можно сделать два вывода. Во-первых, очевидно, что в конце VII–VI в. до н.э. Рим находился под сильным культурным и военным влиянием этрусков. Кстати, оружие, прежде всего железное, доставлялось практически только из Северной Этрурии⁷⁴. Именно поэтому запрет на его использование по мирному договору с Порсеной в 509 г. (Plin. HN XXXIV. 39) вызвал не только общее ухудшение военного и экономического положения Рима в первой четверти V в. до н.э., но и некоторое возрождение куриатных пережитков в военном деле, что иногда ошибочно трактуется как доказательство проведения реформы Сервия лишь в середине V в. Появление в Риме царского периода образцов этрусского гоплитского вооружения даже с учетом самых поздних датировок доказывает, что уже ко времени правления Сервия Туллия

⁶² См., например: *Saulnier*. Op. cit. P. 59–65, 92; *Kienast*. Op. cit. S. 91–93.

⁶³ *Bloch R.* The Origins of Rome. N.Y., 1960. P. 62, 67, 92–94.

⁶⁴ См. *Stary P.* Zur eisenzeitliche Bewaffnung und Kampfesweise in Mittelitalien (ca. 9. bis 6. Jhr. v. Chr.) // *Marburger Stud. zur Vor- und Frühgeschichte*. Mainz, 1981. Bd 3. Abb. 2, 13. S. 397. Taf. 9; Abb. 6.9. S. 406. Taf. 22.1; Abb. 13.5. S. 414. Taf. 227; см. также: *Connolly*. Op. cit. P. 95 ff.

⁶⁵ *McCarmey E.S.* The Military Indebtedness of Early Rome to Etruria // *Memoirs of the American Acad. in Rome*. 1915/1916. V. I.P. 121 ff. Pl. 51.3.

⁶⁶ См. *Peruzzi E.* Origini di Roma. V. VII. Bologna, 1973. P. 72.

⁶⁷ *Gjerstad E.* Early Rome. V. II. Lund, 1953. P. 232; *Saulnier*. Op. cit. P. 65.

⁶⁸ *Gjerstad*. Early Rome. P. 232, 265; cf.: *Müller-Karpe H.* Zur Stadtwerdung Roms. Heidelberg, 1962. S. 55, 89. Taf. 20. О развитии типов шлемов и находках горныкообразных шлемов см. *Connolly*. Op. cit. P. 94–102.

⁶⁹ *Saulnier*. Op. cit. P. 64; *Залесский Н.Н.* Этруски в Северной Италии. Л., 1959. С.62.

⁷⁰ *Peruzzi*. Op. cit. P. 77. Tav. XVI.

⁷¹ *Gjerstad*. Early Rome. P. 203, 227, 230.

⁷² *Ibid.* P. 180, 185, 218, 203, 230, 232, 237, 241, 254; *Connolly*. Op. cit. P. 98.

⁷³ См. *Meyer Ed.* Das römische Manipularheer... S. 26, 28; *Marquardt*. Op. cit. S. 318. О применении гасты с эпохи Виллановы см. *Saulnier*. Op. cit. P. 120; *Connolly*. Op. cit. P. 92, 94–102.

⁷⁴ *Kienast*. Op. cit. S. 99; *Немировский А.И.* История раннего Рима и Италии: возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962. С. 119, 216.

римляне были хорошо знакомы с гопплитским вооружением не менее полувека (что снимает возражения о необходимости "адаптационного" периода). Во-вторых, сами этруски испытали сильнейшее влияние греческого вооружения и соответственно гопплитской тактики. В исследованиях последнего времени прямому греческому влиянию уделяется особое внимание. Так, Э. Перуцци выдвигает точку зрения о возможности непосредственного греческого влияния на Рим через Кампанию, начиная с VIII в. до н.э.⁷⁵ Поэтому наиболее вероятно, что Рим испытал двойное мощное воздействие греческой фаланговой системы: через греческие колонии напрямую и опосредованно через этрусков, с которыми Сервий Туллий вел длительные и успешные войны (Liv. I. 42. 2–3).

Контакты с греческими колониями и столкновения с этрусками лишь ускорили переход к фаланговой тактике и повлияли на ее формы. Возможно, первоначально была заимствована структура войска из двух боевых линий, первую из которых занимали, как и в Этрурии, полноправные граждане, способные вооружить себя металлическими доспехами, а вторая была резервной и комплектовалась из неполноправных людей, носивших только шлем и овальный щит "скутум", имевший древнейшее италийское происхождение. Не исключено, что римское боевое построение долгое время сохраняло реликтовые черты догопплитской военной организации. В таком случае становятся понятными как причина разделения военнообязанных общинников на *classis* – основную ударную силу, фалангу, и *infra classem*, – расположенные вне фаланги вспомогательные отряды (см. ниже), так и неизбежность объединения патрициев и плебеев в привилегированный военный слой в зависимости не от происхождения, а от способности вооружить себя. Поэтому едва ли можно проводить подобно Ф. Альтхайму прямые аналогии с греческим построением, называя 1-й разряд гопплитами, 2–3-й пелтастами, а 4-й – гимнетами⁷⁶. Фаланга в Риме возникла как одна из форм войсковой организации, отличалась большей многовариантностью и не стала стержнем полисной структуры в отличие от Греции не в последнюю очередь из-за борьбы плебса против своего неравноправного положения в ней (как и во всей центуриатной системе). Сохранение в Сервианской конституции старой куриатной организации патрициев привело к ее внутренней расколотости, что отразилось в военной центуриатной структуре и послужило причиной консолидации общества с IV в. уже на новой основе, а также позволило в военной сфере перейти к более прогрессивной манипулярной системе.

Ряд авторов пытается сместить время введения фалангового строя в Риме к середине V в. до н.э.⁷⁷ или даже к концу его, хотя именно к периоду осады Вей относится замена щитов "клипеус" на "скутум"⁷⁸. Д. Кинаст подтверждает это изображениями *aes signatum* с вытисненным на нем "скутум" и статуэткой воина из Цере со "скутум", относящимися к 1-й половине IV в.⁷⁹ Е. Сальмон полагает, что римляне вернулись к древнеиталийскому боевому щиту и усилили его⁸⁰. Но сами самниты были народом сабинского происхождения (Varro. LL VII. 29; Fest. P. 436 L.)⁸¹, а еще ко времени Ромула относится синойклизм римской и сабинской общин (Plut. Rom. 21), после которого римляне стали применять "скутум" вместо прежних круглых щитов, называемых *ἀρούλις* *ἀσπίς* (Dion. II.40.1; Plut. Rom. 21). С введением сервианской фаланги древний "скутум" вновь заменяется круглым щитом – гопплитским "клипеусом". Но с заменой фаланги манипулярным строем "скутум" окончательно восстанавливается в вооружении как более соответствующий новой тактике (Liv. IX. 40; Polyb. VI. 23. 2–5;

⁷⁵ Peruzzi. Op. cit. P. 77. Tav. XVI.

⁷⁶ Altheim F. Römische Geschichte. Bd 1. Frankfurt a. Main, 1951. S. 90.

⁷⁷ Nilsson M. Introduction of Hoplite System in Rome // JRS. 1929. 19. P. 1–11; Alföldi A. Les origines de la république romaine // Entretiens sur classique. V. 13. Gênes, 1967. P. 254.

⁷⁸ Coussin P. Les armées romanes. P., 1926. P. 242–247.

⁷⁹ Kienast. Op. cit. S. 103–104.

⁸⁰ Salmon. Op. cit. P. 105 ff.

⁸¹ Peruzzi. Op. cit. V. 1. P. 59, 63–65, 67.

25.7). Не исключено, что усовершенствованный его вариант был действительно заимствован из Самния (Flor. II. 8.6; Sall. Cat. 51. 37–38).

Обращает на себя внимание, что ряд сражений начала V в. демонстрирует наличие в Риме фаланги уже в этот период, особенно ярко в описаниях битвы у Регилльского озера (499 г.) (Liv. II. 19–20; Dion. V. 23; VI. 5; 10.2; IX.11.3). Тем не менее сохраняет влияние идущая от М. Нилльсона точка зрения, что до середины V в. построение войска продолжало оставаться куриатным, доказательством чему представляется эпизод с походом рода Фабиев против Вей и их поражением на р. Кремере в 478 г.⁸² Однако и Ливий подчеркивает, что этот эпизод был исключением из правил (II.48.9). Более того, по данным источников, Фабии (306 чел. вместе с клиентами) практически не предпринимали регулярных военных действий, а лишь нападали на поля, угоняли скот и ввязывались в мелкие стычки с отдельными отрядами этрусков (Liv. II.49.9; 50. 1–2; Dion. IX.16.5). И в засаду их заманили с помощью стада скота (Liv. II.50.4–6). Таким образом, их поход был скорее грабительской вылазкой, характерной для той эпохи, а его героизированная версия сложилась под влиянием патрицианской историографии Поздней республики, возможно, не без участия Фабия Пиктора.

Исследователи, увлеченные Фабиями, оставляют без должного внимания сведения традиции о параллельных действиях против этрусков консульских войск сначала Л. Эмилия (Liv. II. 49. 10–12), а затем Т. Менения, которые вели регулярные сражения, осаждали вражеский лагерь и вырубали самих Фабиев. Кстати, Т. Менения после поражения Фабиев на Кремере привлекли к суду и наказали штрафом именно за опоздание с помощью Фабиям (II. 52.5; Dion. IX. 27.2). В этом контексте роль Фабиев неизмеримо меркнет и превращается во второстепенный эпизод с грабительским рейдом, а может быть и с отвлекающим маневром, подкрепленным действиями фалангового войска. Диодор так и характеризует эти события (XI. 53.7): сражение на Кремере произошло между этрускими и римскими войсками за контроль над правым берегом Тибра, и "много Фабиев (300 из одного рода) пали в этой битве". Добавим, что четкое описание фаланговой тактики встречается у Дионисия уже под 474 г. (IX. 26. 2–3). Причину же некоторого возрождения родовых норм (военные действия отдельных родов), как и упадка в развитии хозяйства в первой четверти V в., исследователи справедливо усматривают в так называемой "патрицианской реакции"⁸³, наступившей после свержения царской власти и узурпации власти сенатом. Вызванная стремлением ревизовать достижения Сервианской реформы, прежде всего по включению плебеев в военно-политическую организацию, она привела к резкой военной активизации Рима и в то же время спровоцировала ряд военных неудач (в войне с Порсеной, на Регилльском озере, на Кремере и т.д.), не говоря уже об обострении социального раскола *civitas* и начале "борьбы сословий". Причем уже 1-я сецессия (494 г.) стала ярким свидетельством того, что, по верному замечанию Д. Кинаста, прежний куриатный строй уже сменился центуриатным, ибо роль инициаторов восстания выпала гоплитским крестьянам⁸⁴. Сами сецессии стали угрозой расколоть единый *populus*-войско и продемонстрировать патрициям невозможность возврата к прежним порядкам. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что как центуриатный строй, так и введение фаланговой тактики войска относятся к середине VI в. – к началу реформы Сервия Туллия.

Мы не имеем определенных сведений относительно структуры римской фаланги и количества ее рядов. 40 центурий юниоров классиса, как и замечание Феста (р. 81)

⁸² Nilsson. The Introduction... P. 1–8; *idem*. Die Hoplitentaktik und das Staatswesen // Klio. 1928. Bd. 22. Ht 3. S. 243 ff.; Meyer Ernst. Romische Staat und Staatsgedanke. Zurich, 1948. S. 44 ff.; Sumner. Op. cit. P. 67, 75; De Francisci P. Per la storia dei "comitia centuriata" // Studi in onore di V. Arangio-Ruiz. V. 1. Napoli, 1953. P. 9; D'Agostino. Op. cit. P. 81–82; *Немировский*. К вопросу... С. 158–159.

⁸³ Snodgrass. Op. cit. P. 110–112; *idem*. L'introduzione degli oplitici in Graecia e in Italia // RSI. 1965. V. 77. P. 434–444; Serrao F. Classi, partiti e legge nella repubblica Romana. Pisa, 1974. P. 23–25; Bloch R. Rome de 509 à 475. environ av. J.-C. // REL. 1959. V. 37. P. 62–65; Richard J.-Cl. Les origines de la plèbe romaine: Essai sur la formation du dualisme patricio-plebéien. Roma, 1978. P. 502; Ferenczy. Op. cit. P. 19 ff.

⁸⁴ Kienast. Op. cit. S. 97.

"Exercitus et militum copia dicitur, et homo multis negotiis exercitus; sed superius quarti ordinis hos secundi est", наводят на мысль о первоначальных четырех рядах. По другим данным (Dion. IX. 10.2) можно предположить не менее шести рядов, что соответствует реконструкции П. Фраккаро, по которой классис занимал четыре ряда, а 2–3-й разряды – по одному. Это вполне компенсировало неравное число людей в центуриях разных разрядов. Кр. Сонье справедливо обратила внимание на обозначение Дионисием первых трех разрядов как $\sigma\upsilon\nu\tau\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$, а последних двух – как $\mu\omicron\iota\rho\alpha\varsigma$ ⁸⁵. Первое название она производила от $\sigma\upsilon\nu\tau\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega$ (организовывать фиск), что ассоциирует их членов с "ассидуями" (Gell. XVI. 10.15; ср. XIX. 8.15; Cic. Resp. II. 9.16; Top. II. 10). военнообязанными собственниками, включенными в систему цензовых разрядов. Однако известно, что первоначально бывшие *infra classem* члены 2–3-го разрядов оказались включенными в войско только после 1-й сецессии плебеев, а их вооружение щитами "скутум" не позволяет причислить их к фалангитам классиса (см. выше). Они могли составить вторую линию боевых порядков (*acies*) единого войска (*exercitus*). Представители низших разрядов, служившие легковооруженными, составляли вспомогательные войска и были инкорпорированы в политическую систему цензовых разрядов, вероятно, в середине V в.

Чрезвычайно мало сведений мы имеем о каком-либо тактическом делении центуриатного войска. Однако постоянные упоминания источников о военных трибунах "легатах", центурионах не позволяют считать их безусловной модернизацией традиции и заставляют пристальнее приглядеться к оттенкам словоупотребления. Например, даже название "манипул", изредка встречающееся у Ливия, не просто скалькировано с позднеримских реалий; за исключением неких сдвоенных "манипулов" Тарквиния Гордого (составленных из римлян и латинян – Liv. I. 52. 5–6), в которых правомернее видеть сдвоенные центурии (что и отразило употребление именно этого термина), остальные манипулы обозначают у него не строевые единицы, а скорее резервные отряды (II. 11.8; III. 20.7; IV. 37.11). Аутентичное значение они приобретают у Ливия для времени после середины IV в. (VII. 24.7; VIII. 8) с переходом к манипулярному строю, и преимущественно, когда речь идет об отрядах галлов или сторожевых отрядах (VII. 36.7), т.е. о нестроевых подразделениях.

Привычнее для Ливия слово "когорта", что едва ли правомерно списывать на простой анахронизм. Конкретный анализ позволяет выделить следующие типы когорт у Ливия: дозорные (IV.59.5), "отборные", предназначенные для набега части войска на рассеявшихся по полям вражеских мародеров (II.11.8), "отборные" для взятия лагеря (II.20.6–7; IV.27.10), для погони за разбитым противником (IV.28.6), для заготовки продовольствия (VI.30.4), когорты для охраны диктатора (II.20.6–7), легковооруженные (*expedites*) (V.16.3), несущие пармы (*palmata*), т.е. спешенные всадники (!) (IV.38.2, 39.1). Кроме того, упоминаются когорты всадников (IV.40.8), ветеранов (III.69.8; ср. Dion. XI.25.2), союзников (II.64.10; III.5,15), *cohortes alarum* (X.43.3) и *auxiliariae* (X.40.3). Наконец, говорится и о когортах других народов – куманские (II.14.3), самнитские (20 по 400 чел.) (X.40.6; 41.10) и когорта римских изгнанников в войске этрусков в 509 г. (II.19.10). Построение римских союзников когортами было характерно и во времена манипулярной тактики. Как известно, они не возникли в ходе реформ Мария и даже не во II Пуническую войну, а принадлежат к древнеиталийскому типу войсковой структуры. Неудивительно их присутствие и в Риме.

Перечисленные случаи объединяет то, что все эти отряды – либо отдельные формирования, в том числе нестандартные (спешенных всадников, ветеранов), либо выделенные из войска отдельные, отборные части для решения специальных задач. Например, в 450 г. когорта трибуна Л. Сикция Дентата захватила вражеский лагерь (Dion. X. 46–47), а в 406 г. четыре когорты во главе с Агалой были выделены для занятия холма над Анксуром и атаки на город (Liv. IV.59.5). Для IV в. есть упоминание о наборе герниками восьми "особых" когорт из отборной молодежи с

⁸⁵ *Saulnier*. Op. cit. P. 114–115.

предоставлением им хорошего жалования. Специально оговаривается, что сражаться они должны вне строя (VII.7.4–6). Также отборными были и "полотняные" когорты самнитов (X.41.10).

Численность когорт значительно варьируется, как и их количество. В 20 самнитских когортах насчитывалось по 400 чел. (X.40.6), что сближает их с позднеримскими (XXII.17.11). Но Дионисий упоминает о когортах в 600 (IX.71.1), 800 (X.43.3; XI.25.2) и даже 1 тыс. чел. (две когорты под началом "легата" Фурия) (IX.63.5). Все это не позволяет видеть в них структурное подразделение фаланги.

Ряд уточнений вносят данные Дионисия. Если у Полибия $\sigma\tau\epsilon\iota\rho\alpha$ обозначает манипул, то у Дионисия именно когорту (VIII.65.2; 86.7). Но с другой стороны, он описывает построение войска, где конные и пешие выстраивались по своим когортам ($\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\sigma\tau\epsilon\iota\rho\alpha\varsigma$), каждая на соответствующем месте (X.44.1). В сражении с герниками конница у него сталкивается с конницей противника в турмах ($\lambda\iota\alpha\varsigma$), а пехота – когортами ($\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\sigma\tau\epsilon\iota\rho\alpha\varsigma$) (VIII.65.3). Если вспомнить приведенный выше пассаж о сражении конницы с конницей, пехоты с пехотой, а фаланги с фалангой (XI.23.3), то эти когорты можно приписать "скутатам" 2–3-го разрядов. Но в отличие от Ливия Дионисий включает когорты в боевые порядки и соотносит с центуриями ($\lambda\omicron\chi\omicron\iota$) (VIII.85.1; 86.4).

Приведем в связи с этим факт, выпадающий из общей картины. При наборе войска в трудном 449 г., сообщает Ливий (III.69.8), вся молодежь собралась на Марсовом поле, где выслушивали объяснения тех, кто не смог записаться в войско, после чего "когорты выбрали каждая себе центурионов, и по два сенатора были поставлены во главе каждой когорты" (*cohortes sibi quaeque centuriones legerunt, bini senatores singulis cohortibus praepositi*). Неясно, имелись ли в виду отдельные отряды, но сбор их на месте созыва центуриатных комиций и смотра набранных войск, Марсовом поле, и выбор не трибунов или "легатов", а именно центурионов, ассоциируют их с центуриями. Возможно, иное название намекает на несовпадение политических центурий с их воинскими отрядами, или на то, что они были соединениями нескольких центурий. Заметим, что регулярное выражение Дионисия о построении $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\sigma\tau\epsilon\iota\rho\alpha\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\lambda\omicron\chi\omicron\upsilon\varsigma$ (VIII.84.1; X.44.1) при сравнении с его сообщением о построении войска Сервием (всадники по илам, пешие в фаланге, легковооруженные по лохам (IV.22.1) наводит на мысль о том, что под $\sigma\tau\epsilon\iota\rho\alpha$ он мог подразумевать также "тысячи", составляющие ряды фаланги. На это указывают и обозначения им военных трибунов $\chi\iota\lambda\iota\alpha\rho\chi\omicron\iota$ (IX.10.4; XI.13.6; 44.2) или $\tau\alpha\zeta\iota\alpha\rho\chi\omicron\iota$ (IX.9.5; 10.1; 13.2). Но "тысячи" не могли иметь тактической автономности и тем более определять структуру войска.

Вопрос о значении когорт в раннереспубликанском войске остается открытым. но правомерно предположение, что именно по когортам (крупным отрядам или рядам) строились войны 2–3-го разрядов со щитами "скутум". Не исключено, что их символами были "вексилты". Они представляли собой соединения ряда центурий и в бою действовали как минифаланга, но в менее тесных рядах, нежели классис клипеатов, поэтому и не могли слиться с последним в единую боевую линию. Благодаря большей маневренности и индивидуальной значимости каждого воина они могли действовать самостоятельно вне боевой линии (*acies*) или выполнять отдельные задачи.

Остается дискуссионным также вопрос о центуриях. Сведения о них в источниках для V–IV вв. редки. Но у Ливия Камилл распределял воинов по центуриям уже после набора и присяги (VI.2.6), которая даже во времена II Пунической войны приносилась по центуриям и декуриям (XXII.38). Дионисий неоднократно сообщает о наборах для восполнения потерь и пополнении уже воюющих войсковых центурий (лохов) (VIII.87.3; 88.1; XI.24.1–2). Ливий также говорит о придании набранному консулами войску имеющих боевой опыт командиров центурий (*centuriones veteres... adiecti*) (IV.17.10). Дионисий передает о наступлении войск сомкнутыми рядами ($\tau\omicron\iota\varsigma$ $\lambda\omicron\chi\omicron\iota\varsigma$) (X.16.4) и о подкреплении отрядов противников ($\omicron\iota$ $\lambda\omicron\chi\omicron\iota$) (VIII.65.3; IX.21.3). Вообще он в отличие от Ливия чаще упоминает о действиях центурий именно в боевой обстановке и в строю (V.41.5; VII.72.1; VIII.85.1; 88.1; IX.11.3; 21.3 etc.). Возможно, причина

в более тщательном воспроизведении греческим историком непривычных для него, не обыденных, а потому обычно опускаемых, реалий раннеримской истории. Поэтому он отмечает, что во время мятежа Гердония набранные воины явились в указанные места (отряды), куда были назначены и центурионы (X.16.1). Но и Ливий упоминает об объезде консулом боевых порядков, выстроенных познаменно по отрядам (*ante signa obversus in aciem, ordines...* – VI.7.2), а также о воине – свидетеле по делу децемвиров, за 27 походов восемь раз награжденного одного *от всей центурии* (III.58.8). Наконец, регулярное упоминание центурионов⁸⁶ позволяет с уверенностью сделать вывод, что центурии в войске Ранней республики имели военное значение не только как структурные (см. выше), но и как тактические единицы военных сил. Кстати, и Вегеций свидетельствует о разделении древними строя и рядов, чтобы они не приходили в беспорядок, на когорты, а их изначально на центурии (II.13), а затем уже на манипулы, которые для него, впрочем, были взаимозаменяемы с центуриями (II.14).

Отсутствие численных ограничений для *exercitus* при наличии определенного, не подвергаемого сомнению контингента центурий (60) приводит к выводу о непостоянном, временном их составе, зависящем от непосредственных потребностей войны и численности самого войска. Отсюда вытекает закономерность замены этого названия терминами *vexillum*, "манипул" и *ordo*. В фаланге центурии имели чисто структурное значение, сливаясь в когорты, "тысячи", чем можно объяснить редкость упоминаний о них в традиции.

Скудность источникового материала затрудняет решение вопроса о внутреннем составе раннереспубликанского войска. Еще И. Марквардт высказывал мнение о делении фаланги – аналогично построению манипулярного войска – на гастатов, принципов и триариев⁸⁷, не объясняя, правда, их соотношения с цензовой основой комплектования. Поскольку Фест отождествлял принципов с *proci* (p. 251 L), Эд. Мейер был уверен, что они являются элитой пехоты – юниорами 1-го разряда⁸⁸, т.е. составляют 40 центурий классиса. Р. Палмер также усматривает в *proci* центуриатных разрядов *principes* архаической пехоты⁸⁹, а Л. Грив полагает, что первоначально они составляли классис и назывались техническим термином *primores*, занимая первую боевую линию⁹⁰. Однако в манипулярном войске принципы были отодвинуты на второе место и по возрасту старше гастатов. Вероятно, поэтому Л.Р. Тэйлор отождествляет 1-й разряд с гастатами⁹¹, тем более что, по сообщению Варрона (LL V.89), гастаты были собственно фалангитами. Но учтем, что Варрон соотносит их даже не с V в., а с эпохой Ромула.

Многие авторы причину выдвижения на первый план гастатов видят в том, что в начале IV в. они сменили гасты на метательные пилумы (*Plut. Cam. 40*)⁹². Однако Плутарх сообщает лишь о приказе Камилла воинам принять на вооружение "длинные копья", чтобы подставлять их под удары галльских мечей. Хотя это описание подходит под пилум с длинным медным наконечником с раструбом, утверждать это с уверенностью едва ли возможно, учитывая, что и в середине IV в. гастаты по-прежнему были вооружены гастами (*Liv. VIII.8*). Любопытно, что даже столь поздний автор как Вегеций, описывая стандартное боевое построение, в первом ряду помещает принципов, во втором – гастатов, в третьем – триариев (I.20). Ливий характеризует "правильное боевое построение" первой половины III в. как составленное из трех линий – принципов (!), гастатов и триариев (XI.5). Более того, аналогичный порядок

⁸⁶ *Liv.* IV. 17.10; VIII. 8.16; X. 36.10; 38.8; *Dion.* VII. 4.2; IX. 9.5; 23.7; 39.1; 50.3; X. 16.1; XI. 28.1; 43.1;

⁸⁷ *Marquardt.* Op. cit. S. 317.

⁸⁸ *Meyer Ed.* Das römische Manipularheer... S. 43.

⁸⁹ *Palmer.* Op. cit. P. 261–265.

⁹⁰ *Grieve.* *Proci patricii.* P. 307–308.

⁹¹ *Taylor L.R.* The Centuriate Assembly before and after the Reform // *AJPh.* 1957. V. 78. № 4. P. 347.

⁹² См. *Sumner.* Op. cit. P. 68; *Parker H.M.D.* The Roman Legions. Oxf., 1928. P. 10–12; *Grieve.* *Proci patricii.* P. 307.

он относит и ко времени II Пунической войны (*illa ordinata per principes hastatosque ac triarios* – XXII. 5.7). Эти данные позволяют откорректировать реконструкцию Ливием раннего манипулярного легиона (VIII.8) и отнести время выдвижения гастатов на первую линию, вероятно, к III в., так как во II Пуническую войну гастаты, согласно Ливию, нередко занимали уже первую линию.

Но оправданно и предположение, что само разделение воинов на гастатов и принципов произошло также в III в., когда они составили отдельные линии нового боевого порядка в три линии (*acies triplex*). В IV в. из состава "манипулярной фаланги" выделяется категория наиболее молодых и неопытных воинов, вооруженных гастатами (в то время как принципы перешли на пилумы). Занимая последние ряды манипулов, они поддерживали в рукопашной схватке принципы, лишенных своих пилумов после метания в противника (см. Flor. XIII.18.7; Frontin. II.4.2). С развитием манипулярного строя они могли выделиться в самостоятельную категорию и образовать отдельную боевую линию, место которой в триплексе до начала II в. не было строго определено (окончательно это произошло уже в период Македонских войн, что и отразил Полибий).

Остается неясным происхождение триариев. У Ливия (VIII.8) они, как уже говорилось, выступали как последняя линия войска, до некоторой степени обособленная от боевых порядков и организованная несколько иначе, чем гастаты и принципы. Ф. Эдкок пытался доказать, что триарии в манипулярном строе представляли более старый боевой порядок – фалангу⁹³. Действительно, в источниках встречаются упоминания для V в. о триариях (в отличие от других категорий воинов), хотя и очень редко. Впервые они названы так Дионисием, употребившим латинский термин, под 508 г. в качестве защитников лагеря, старых и опытных по многим войнам воинов, которые "использовались последними в самых решающих схватках, когда потеряна всякая надежда" (V.15.4). Обращает на себя внимание, что в манипулярном легионе триарии располагались в задних рядах, стоя на одном колене и выставив вперед частокол копий, а нападали на врага единой сплошной стеной (Liv. VIII. 8.12–13). Дионисий (VIII.86.4) также сообщает о сражении тех, "кого называют триариями", сомкнутыми рядами, о "последней надежде войска", используемой в случае поражения более молодых воинов для их поддержки. Все это подкрепляет версию об их древнем происхождении.

Но следует подчеркнуть, что источники представляют триариев и в период развития центуриатного войска как резервные силы. В одном случае они находились в резерве и, кстати, не выдержали нападения врагов (Liv. II.47.5), в другом – охраняли лагерь и в битве не участвовали (IV.19.8; Dionys. VIII.86.4; IX.12.1). Они возводят укрепления, т.е. лагерь, а остальное войско готовится к бою (Liv. V.26.7; VII.23.7). Таким образом, не приходится сомневаться, что из гастатов, принципов и триариев именно последние существовали в центуриатном войске, но не как особая возрастная группа, а как резерв. И хотя они сражались в фаланговом строю, в состав действующей фаланги-классиса они не входили.

Остается непонятным, как можно совместить возрастное деление манипулярного войска с имущественным принципом комплектования воинских сил по Сервиевой реформе, который А.М. Снодграсс по праву считает "главной концепцией гопплитской армии"⁹⁴. Хотя А. Розенберг уверен, что римляне строились по старшинству, а не по цензу, он ссылается на Полибия⁹⁵, который имел в виду совершенно иной тип войскового строения. Традиция же единодушно связывает принадлежность воина к имущественному разряду с его вооружением и местом в строю⁹⁶. Возрастное деление проходило на уровне юниоров (от 18 до 45 лет) и сениоров (от 46 до примерно 60) (Val. Max. IX.3.4).

⁹³ Adcock. Op.cit. P. 11–12.

⁹⁴ Snodgrass. The Hoplite Reform... P. 114.

⁹⁵ Rosenberg. Op. cit.S.13.

⁹⁶ Bleicken J. Die Verfassung der römischen Republik: Grundlagen und Entwicklung. Paderborn, 1975. S. 158.

Ливий сообщает, что призывалась в основном "молодежь" (*iuventus conscribere*)⁹⁷. Нередко встречается просто "римляне призывного возраста" (III.27.3; IV.5.2) или прямо "юниоры" (I.59.11; III.57.9; 69.6; VI.23.4; 32.4; 12.4; 38.8), но всегда при наборе всех (а не части) военнообязанных. Дионисий употребляет обозначение ἐν ᾠκτιῇ (VI.2.3; IX.5.2; 63.2), Диодор ἐν ἡλικίᾳ (XIV.114.1). Но можно ли на этом основании исключать из военной службы сениоров? Обращает на себя внимание сообщение Дионисия о наборе в 479 г. двух консульских войск и третьего войска из молодежи ἐν ᾠκτιῇ для охраны хоры. Но одновременно люди более старшего возраста (ὑπὲρ τὸν στρατιωτικὸν καταλογὸν), но сохраняющие силы для ношения оружия, были оставлены в Городе охранять крепость и стены (IX. 5.2–3; ср. VIII. 38.3). Отсюда следует, что полевое войско не всегда формировалось только из молодежи, тем более что ее неопытность могла служить причиной поражений (Dion. VIII.37.3). Поэтому новобранцам поручали охрану хоры (Sall. Cat. 7.3; Liv. VII. 33.1), молодежь держали под Городом под знаменами (σημεῖος) и упражняли для войны (Dion. V.14.1). С другой стороны, сениоры, как видим, могли привлекаться к военной службе, в основном гарнизонной, но они также готовят пищу для воинов (Liv. III.27.4), охраняют стены на постах (stationes) и в дозорах (vigilia) (III.42.6; V.10.4–7; VI.6.14). Причем, Ливий подчеркивает, как правило, вынужденный характер такого набора (V.10.4).

Ливий приводит ценные сведения о наборе Камиллом в 389 г. не только юниоров, но и сениоров, у которых еще доставало сил и которых он после присяги распределил по центуриям (VI.2.6). Приведем другой факт: когда в 449 г. был объявлен набор, "плебеи выказали такую готовность, что записались не только юниоры, но и немало добровольцев из отслуживших свой срок, благодаря чему войско и было умножено, и укреплено опытными воинами" (III.57.9; ср. IV.17.10). Заметим, что об обязательном призыве сениоров речь здесь не идет. После набора и присяги они, как и юниоры, распределялись по центуриям (V.17.10). Но интересна информация Ливия о наборе 296 г.: "К присяге привели не только свободных и молодых (юниоров. – В.Т.), но даже из пожилых составили когорты, даже из вольноотпущенников – центурии" (*sed seniorum etiam cohortes factae libertinique centuriati*) (X.21.3). Бросается в глаза, что отпущенники распределяются в центурии (другой вариант – по центуриям, вероятно, юниоров для поддержки и замены, типа акцензов), а сениоры – в когорты, т.е. более крупные и отдельные формирования. И хотя речь идет уже о манипулярном войске, логично в этих когортах видеть "вексиллы" триариев разобранного выше пассажа Ливия о легионе 340 г. (VIII.8). Следовательно, сениоры сражались вне боевых порядков фаланги независимо от имущественного ценза и, возможно, в V – начале IV в. именовались триариями (сениоры 1–3-го разрядов). Это подтверждают сообщения традиции о нередком усилении войск "когортами" ветеранов в V в., комплектуемыми на добровольной основе (Liv. III. 57.9; 69.8; IV.17.10; Dion. X.43.1). Особенно характерен пример с когортой Л. Сикция Дентата в 449 г. Будучи сам сениором, отслужившим в 20 с лишним походах, этот плебейский вождь привел в войско когорту преданных ему добровольцев-ветеранов из 800 чел. (Dion. X.43.1; 44.3; 45.6; XI.25.2)⁹⁸.

Как известно, в центуриатных комициях сениоры также строились по центуриям с оружием в руках (Gell. XV.27), а в случае особой опасности все граждане брались за оружие, включая сенаторов (Liv. III.6.9; Plut. Popl. 11). Поэтому неоправданно исключать сениоров из общей системы римской военной организации. В Риме по Сервианской конституции все население считалось военнообязанным, однако реально служили те, кто наиболее подходил по силам и возрасту, причем молодежь набиралась

⁹⁷ Liv. II.63.2; III.18.4; 41.7; 69.2; IV.5.2; V.10.4; 19.5; VI.39.9; VI.7.1; 27.10; 28.4; 39.7.

⁹⁸ Подробнее о нем и обстоятельствах его гибели см. *Токмаков В.Н.* Луций Сикций Дентат и падение децемвиров // *Среда, личность, общество.* Докл. конф. Всесоюзной ассоциации антиковедов. М., 1992. С. 162–168.

в основном для небольших военных операций, грабительских рейдов и т.д., в которых она получала боевой опыт. Сениоры же в центуриатном войске стояли всегда вне фаланги, поэтому распространять на них принцип манипулярного деления по возрастам неправомерно. В манипулярном легионе они занимали боевую линию в общих воинских порядках, а принцип различия в вооружении элиминируется.

Можно сказать, возрастное деление манипулярного войска, неправомерно переносимое на центуриатную фалангу, напоминает скорее принцип построения куриатного ополчения царской эпохи. Именно в нем равноправные куриатные отряды размещались рядом друг с другом по фронту, а внутри них воины, единообразно вооруженные (ибо оружием их снабжали род и курия), строились по старшинству (подобно гастатам, принципам и отцам семейства – триариям, которых оберегали), ибо в сражении большое значение придавалось личной силе и опытности, которые в центуриатной фаланге растворялись в сплоченности и сокрушительной мощи голпнитского войска как единого нерасчлененного целого. В определенном смысле в манипулярном легионе с середины IV в. на новой, трибутной основе возродились не только древние щиты типа "скутум" царского куриатного ополчения, но и некоторые черты куриатного строя, в первую очередь принцип построения по возрастам и отдельными самостоятельными отрядами. Поэтому самнитская тактика представляла собой закономерный этап в развитии древнеиталийского строя, через который прошел и Рим со времен Ромула, и была перенесена в него на уже подготовленную почву.

Итак, опираясь на анализ данных традиции, можно прийти к заключению, что Сервиева центуриатная реформа, имевшая целью прежде всего реформирование воинских сил для приведения их в соответствие с усложнившейся социально-политической структурой общества и масштабом стоявших перед ним задач, а также для повышения его численности и боеспособности, была исключительно плодотворной для развития римской военной организации. Она породила качественно новую организационную структуру войска. Его базой становятся центурии, прекрасно приспособленные к действию в монолитной фаланге-классисе и в то же время позволяющие расчленять ее, исходя из военных потребностей, на необходимое количество континентов, воспроизводящих фаланговую структуру. Можно с уверенностью утверждать, что центуриатная фаланга из свободных самовооружающихся собственников "среднего класса" независимо от сословной принадлежности, численность которой широко варьировалась, не только действительно существовала в Риме Ранней республики (конец VI – середина IV в. до н.э.), но и составляла основную ударную силу римского войска, что обеспечило на определенном этапе нарастание военной мощи и активную внешнюю политику римской *civitas*.

Эволюция центуриатного войска теснейшим образом была связана с социальным и политическим развитием Рима. В первой половине V в. до н.э. она состояла в постепенном, происходившем под давлением плебеев инкорпорировании в состав воинских сил (*exercitus*) новых воинских континентов с облегченным вооружением, прежде относившихся к разряду *infra classem*. Отряды воинов 2–3-го цензовых разрядов были включены в боевые порядки и образовали в них вторую линию "скутатов", поддерживавшую фалангу или действовавшую самостоятельно. В войске, но вне боевых порядков, находились также отдельные отряды легковооруженных, обозначаемых по-разному – акензы, ферентарии, рорарии, комплектуемые из плебейской бедноты 4–5-го разрядов.

С начала IV в. постепенная консолидация патрицианско-плебейского общества в единый гражданский коллектив с территориальным, а не имущественно-сословным принципом организации привела к повышению роли триб и трибутных комиций и падению значения центурий как базы формирования цензовых разрядов и войсковых единиц. Снижение роли ценза привело к унификации вооружения, что неизбежно влекло за собой изменение тактики, а следовательно, и боевого построения. Это раз-

вите завершилось окончательной трансформацией манипулярного легиона в основное структурное соединение римской армии и принятием манипулярной тактики боевых действий отдельными самостоятельными маневренными отрядами. Однако все эти кардинальные изменения совершались на базе пронесенного через столетия центуриатного принципа формирования римского войска, заложенного еще реформой Сервия Туллия.

V.N. Tokmakov

THE STRUCTURE AND BATTLE FORMATION OF THE ROMAN TROOPS OF THE EARLY REPUBLIC

V.N. Tokmakov

The retrospective analysis of the classical descriptions of the legionary structure of the 2nd c. B.C. by Polybius and 340 B.C. by Livius makes it possible to identify its archaic basis as consisting of 60 centuries which made up the core of troops organization and went back to the reform of Servius Tullius (mid 6th c. B.C.) who divided the citizens into 193 centuries. The well-known legion of 340 described by Livius paradoxically combining battle orders according to age groups with a more archaic *vexillum* formation represented a transitional stage from the century to the maniple done for tactical purposes. The analysis of the term *ordo* used by Livius enables the author to equate it with a century of 60 people, which confirms the fact of the centuriate organization of the Early Republican troops. In the light of the complex study of tradition data P. Fraccaro's theory about the identity of the Servian division of the citizens with the legionary structure of 60 centuries of the *iuniores* of the 1st-3rd census classes requires serious corrections. It turned out to have been impossible to single out legions as operational-tactical units with a strictly regulated structure and numerical strength until mid 4th c. B.C. The annual recruitment of the century basis (*dilectus*) represented "armed citizenry" (*exercitus armatus paratusque*). The flexible centuriate organization made it possible to divide the troops into an arbitrary number of units, each one consisting of 60 centuries.

Rome's crack force was a heavy armed *phalanx* (*classis*) comprising 40 centuries of *iuniores* of the 1st census class. Its introduction under Servius was due to double influence of hoplite tactics (both directly through the Greek colonies in Italy and the Etruscans). The opinion about its appearance only in mid 5th c. B.C. is refuted by numerous archaeological finds of hoplite armaments of the 7th-6th c. B.C. in Etruria and Rome. Undoubtedly the reform of the army by Servius Tullius in the 6th c. B.C. united in the *phalanx* "the middle class" of self-armed well-off citizens, regardless of the *curiae* division. But the *phalanx* came into being in Rome as a form of military organization with many variants and did not become the foundation of the *polis* structure, which enabled the plebeians of the 2nd-3rd and later 4th-5th census classes, outside the *phalanx* (*infra classem*), but serving in the army to be incorporated in the political system. In the military sphere it led to the loss of the importance of the *phalanx* and transition to more progressive maniple tactics, with the armed forces still organized in centuries. The soldiers of the 2nd-3rd census classes armed with old Italian oval shields *scutum* were tactically incompatible with the *phalanx* within a legion and probably formed the second line of battle support, though they could fight independently on the flanks of large detachments as well. Their names in the written sources (Livius' *cohortes* or *vexilla*, Dionysius' *speira*) should not be considered anachronisms, for they as part of the century organization facilitated the transition to the maniple system. The fact that military centuries are seldom mentioned in the sources is accounted for by their organizational-tactical role. They were not independent units. The division of soldiers according to age groups (apart from distinguishing between *iuniores* and *seniores* who were also eligible for military service) was not characteristic of the century census structure of the army. The only category found in the sources, that of *triaris* served as a reserve.

Thus on the basis of tradition data it can be concluded that the century constitution developed in the period of the Early Republic begot a qualitatively new structure of the Roman army intrinsically connected with the socio-political system of *civitas*, and affected its battle formation and tactics. The army organized in centuries was actively used for two hundred years securing flexibility of troops structure and command and laid the foundation for all the subsequent types of the Roman military organization and battle formation.